

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Валентина Вильчек

От юнги до капитана

В 12 лет Слава Леснов поднялся по трапу на шхуну “Капитан Воронин”, принадлежащую “Дальзервотресту”. Шел 1940 год, и в экипажах многих судов работали мальчишки - юнги, потому что в то время - как бы сейчас сказали - морские и рыболовные компании Владивостока были градообразующими и обеспечивали население города работой. Бойкий пацан не чурался никакого труда: был матросом, поваренком на подхвате у кока, грел воду для зверобоев, возвращавшихся в конце дня с богатыми трофеями моржового жира, мяса, шкур и кльков. Детство Вячеслава прошло в городе Владивостоке на знаменитой Миллионке. Все свободное время он с мальчишками, такими же сорванцами, как и сам, проводил на море. Гурьбой бегали на набережную, купались, загорали, ловили рыбу и многие из них прямо из детства заступали на морскую вахту, чтобы помогать семьям. Когда началась война, поредели экипажи судов. Часть моряков была мобилизована на военный флот, часть ушла на фронт, и к тому же флот Дальневосточного пароходства пополнился новыми судами типа “либерти” из Америки по ленд-лизу и за счет переданных из других пароходств, некомплектованных экипажами.

Трехсотый приказ Наркома морского флота П.П. Ширшова открыл двери школ мореходного обучения. С 1943 года мальчишки, надев курсантскую форму, через 2-3 месяца, закончив ускоренную подготовку, вливались в штат Дальневосточного пароходства. Вячеслав Леснов после окончания мореходки на Океанской, получил назначение на пароход “Кубань”, и на нём первым рейсом в должности кочегара оказался в порту Сан-Франциско. В Америке перешел на либерти “Баку”, полученный по ленд-лизу и полтора года ходил на нем, в основном в Штаты, да еще успел один месяц отработать палубным учеником у легендарного капитана Анны Ивановны Щетининой на “Жан Жоресе”, а в 1945-м получил назначение на пароход “Ванцетти”. Так началась одиссея юнги, поднявшегося впоследствии в своей карьере на капитанский мостик. Но это будет потом, когда отрешат залпы победы, пройдет пять лет срочной службы на ТОФе, где не теряя времени даром, Вячеслав закончит десятилетку, да еще там же художественную студию и после учебы на курсах штурманов маломерных судов при ДВ пароходстве, и окончания Дальрыбвтуза с дипломом капитана, он отработает на море десятки лет. Вся же его морская вахта будет длиться почти полвека.

А пока идет война, Вячеслав исправно несет трудовую вахту. Он и матрос, и кочегар, и электрик, и, как все юнги, второй номер на эрликоне – двадцатимиллиметровой автоматической пушке. С мальчишеским задором радовался, когда удавалось во время учений выпустить очередь трассирующими, таинственно светящимися снарядами. В июле сорок пятого в порту Николаевске на

пароход “Ванцетти” погрузили на борт танки, солдат и спустились по Амуру в Татарский пролив. Здесь 9 августа получили известие о начале войны с Японией и, сбросив в Маоко три танка и часть пехоты, пошли на юг в Отомари. Под обстрелом японской артиллерии и авиационным налетом, выгрузили танки, солдат и продолжили рейс на Итуруп. При входе в бухту Касатку, известную в истории тем, что отсюда японцы 7 декабря 1941 года “устроили” американцам Перл-Харбор, наблюдатели увидели, что в сторону “Ванцетти” были направлены расчехленные стволы орудий, спрятавшихся в нишах скал. Несколько часов, пока судно, имевшее на борту сорок танков и полторы тысячи солдат, двигалось к причалу, пушки неприятеля “вели” его и идущий следом теплоход “Пионер” с десантом, легендарными “катюшами” и 45-ти миллиметровыми пушками на борту. Все члены экипажей находились на боевых постах. В любой момент они были готовы открыть ответный огонь. Без единого выстрела японцы пропустили “Ванцетти” и “Пионер” к причалу, но еще несколько часов держали их под прицелом, а утром над всеми фортами самураев развевались огромные белые флаги и спрятанные под чехлы орудийные стволы уже не представляли опасности.

Выгрузив вооружение и десантников, приняли на борт военнопленных. 3101 солдат и 100 офицеров заняли трюмы, твиндеки и угольный бункер, а в каюте лоцмана был помещен плененный генерал Танака. Это был последний рейс парохода “Ванцетти” из Великой Отечественной войны, едва не окончившийся бедой. Самураи подняли бунт, когда проходили пролив Лаперуза. Экипаж судна был вооружен. Всем морякам выдали автоматы ПППШ, а у сотни солдат, сопровождавших пленных, было установлено восемь пулеметов Дегтярева, и у каждого было личное стрелковое оружие. Но что 140 человек против разъяренной толпы? Когда японцы, сломав переборки, полезли сплошной массой на палубу, капитан Рудой решил дать команду выпустить пар, и только вмешательство генерала Танаки, через переводчика по фамилии Цусима, узнавшего о решении капитана, спасло жизни пленников. Унтеры загнали в трюмы разбушевавшихся самураев и через несколько дней их сдали начальнику стройки 500 в Ванино.

- Еще одним рейсом доставили 3000 военнопленных в порт Ванино - неторопливо, вспоминая подробности тех дней - рассказывает Вячеслав Васильевич - а потом пошли в Корейский порт Сейсин за нашими солдатами, и в мае 1947 года я простился с Дальневосточным пароходством.

Мы разговариваем в квартире ветерана на Пограничной. На стенах художественно выполненные маслом портреты родных ему людей - матери, отца, братьев - морских капитанов - Михаила и Василия, любимой женщины. Но больше всего в дорогом его сердцу занятия живописью, с которым не расставался никогда, он отдавал предпочтение морю. Бурному и спокойному, безбрежному и окаймленному скалистыми и живописными берегами. Баркентина “Штурман”, на которой Вячеслав Васильевич совершил после войны кругосветку, красуется на самом большом полотне, обрамленном багетной рамой. Кстати, искусством изготовления багета художник когда-то владел в совершенстве. Изящный орнамент оправы, покрытой бронзовой

краской под золото, дополняет мастерство живописца, придает произведениям великолепный и роскошный вид. В комнате на подрамнике бросается в глаза чистый загрунтованный холст. Зрение подвело совсем не вовремя и задуманная картина осталась в замыслах.

Начальник отдела кадров «Далькитозверотреста» Остряков уговорил пойти матросом на перегон парусно-моторных шхун из Финляндии, и Вячеслав Васильевич согласился. Флот «Зверотреста» пополнился парусно-моторными шхунами, пригнанными из Турку - «Венерой», «Кооператором», тем самым, что много лет был «Надеждой» - визитной карточкой Находки на Находкинском перевале, «Креветкой», «Медузой», а потом он перешел на баркентину «Штурман», где капитаном был Георгий Иванович Темнов.

1948-ой год встречали в Америке, в порту Лонг-Бич. Здесь два месяца стояли в ремонте. На борт поднимались многочисленные гости, корреспонденты газет, простые американцы, коммунисты подарили морякам двух чистопородных сеттеров. Все мечтали посетить Голливуд, но их туда не пустили. К тому времени между Россией и Америкой опустился железный занавес холодной войны.

В пути домой на баркентину обрушились два страшных смерча, поднявших в небо огромные столбы воды. Сутки отважно боролись моряки со стихией, потеряли часть парусов, но выстояли и 28 апреля 1948 года бросили якоря в порту Петропавловска Камчатского.

После службы в армии Вячеслав Васильевич ходил в моря на кроболе «Коряк» вторым помощником у знаменитого капитана Николая Платоновича Манжоллина. К этому времени он закончил курсы штурманов, а потом и Дальрыбвтуз. В «Камчатрыбпроме» встал на капитанский мостик и закончил морскую вахту в 1988 году по состоянию здоровья.

С грустью вспоминает Вячеслав Васильевич былые походы, бескрайние морские просторы, друзей, приключения, без которых не обошелся ни один рейс. В его рассказах о море всегда присутствует романтическое настроение и в душе он навсегда остался романтиком.

Серко

Когда-то наша семья жила на севере Иркутской области в селе, которого уже давно нет на карте. Там теперь разлилось рукотворное море от Усть-Илимской гидроэлектростанции, затопившее село Нижне-Илимск, где я родилась, и деревню Макарово, где прошли детство и юность моей мамы. Я была совсем маленькой, но помню рассказы о том, как мой папа украл маму у жениха, прямо из-под венца.

Большая папина сиротская семья жила в деревне Березняки, раскинувшейся на крутом берегу реки Илим в двадцати верстах от Макарово выше по течению. Пятерых детей – двух дочерей и троих сыновей бабушка Наталья Карповна растила одна. Из ребят папа был старшим и на его плечи легли все тяготы крестьянской работы. С одиннадцати лет он самостоятельно пахал свой надел, косил сено, зимой пропадал в тайге. Он был знатным охотником, в семнадцать лет с любимой лайкой Соболькой завалил медведя, а белку бил прямо в глаз, чтобы не испортить шкурку. Папа был смелым, ловким, осмотрительным, настоящим сибирским парнем.

Посадив маму в подвенечном платье к себе за спину и укрыв полшубком, предусмотрительно притороченном к седлу, папа погнал Серка, и он с двумя седоками легко полетел по накатанной лесной дороге, только комья земли летели из-под копыт, да облаком развевалась белая фата. Осрамившийся жених, опомнившись от потрясения, собрал вагату деревенских парней, и они, подогретые самогоном, понеслись вдогонку.

Верстах в пяти от дома беглецы услышали преследователей. Кавалькада лошадей с пьяными наездниками с гиканьем, свистом и криками нагоняла приуставшего коня. Перед самой деревней надо было пересечь реку. Илим - горная своенравная река с большой скоростью катила свои воды к матери - Ангаре, и зимой оставляла в своем течении полыньи, промоины, трещины. Дорогу, отмеченную елками, беглецы впопыхах не заметили и проскочили к самому опасному изгибу Илима, где и днем - то ходить было страшно. Тревожно всхрапывая, чужая опасность, Серко, не останавливаясь, гнал по льду к берегу. Когда уже передние ноги коня оказались на твердой земле, задние провалились в промоину, затянутую тонким льдом, Оскальзываясь копытами на прокаленных морозом камнях, Серко упорно рвался вперед, но сил почти не осталось.

Нерастерявшийся папа ловко выпрыгнул из седла, выдернул маму из ледяной купели и помог Серку выбраться на берег. Все прошло так стремительно, что молодые даже не успели испугаться.

— Это было какое-то чудо – рассказывала подругам мама, - до сих пор сердце замирает при воспоминании, как стою я на берегу в обледневшем, звенящем на ветру платье, словно снегурка, а от деревни бегут люди.

Макаровские варнаки не решились переправляться вслед, увидев, что вся деревня от мала до велика высыпала на бугор встречать молодых. Кто-то закутал маму в тулуп, папины младшие братья Коля и Кеша, накрыв Серка попонкой и своими шубейками, повели его в теплое стойло. Самое удивительное в этой истории то, что никто не заболел. Не взял сорокаградусный сибирский мороз отмеченных удачей влюбленных.

Макаровцы еще долго куражились за рекой, посылая проклятия более везучему сопернику, и несолоно хлебавши потрусили домой допивать свадебное вино.

Моя бабушка Наталья Карповна загодя натопила баню и напаренная березовым веником, раскрасневшаяся счастливая Евдокия Васильевна робко вошла в дом строгой свекрови.

На этом история Серка не заканчивается. Папу, Василия Артамоновича призвали служить в милицию, и он перевез семью в районный центр Нижне-Илимск. В милицейской конюшне жил и наш Серко, с которым папа не захотел расстаться. В те годы об автомобилях в сибирской глухомани и слыхом не слыхивали. Лошади были главной рабочей силой и надеждой сельчан. Серко же ходил только под седлом. Ни в плуг, ни в телегу его не запрягали: папа не велел.

Мне было три года, но я хорошо помню нашего коня. Каждое утро, проснувшись, я бежала на конюшню, где конюх Кузьма всегда угощал конфетами, а я делилась ими с Серко, красавцем жеребцом серой масти с белой звездочкой на лбу, тонкими стройными ногами и гордо

